

УДК 343.2

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-2-64-80

Концепция биополитики: история, современность, значение для уголовно-правовых исследований

М. Я. Заборский

Ассистент кафедры уголовного права и прокурорского надзора

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: zaborsky.mix@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена правовым аспектам философской концепции биополитики. Актуальность данной темы обусловлена тем, что государства, пытаясь решить стоящие перед ними задачи и применяя в том числе правовые средства, регулируют самые личные сферы человеческой жизни, ограничивая гарантированные конституциями права и свободы человека и гражданина. Использование такой стратегии, именуемой ныне биополитикой, может привести к нарушению принципов разумности и соразмерности при вмешательстве в частные дела. Автор стремится сформировать научное представление о биополитике, в частности об истории становления данной доктрины, ее основных положениях, а также возможностях применения биополитического подхода при анализе уголовно-правовых явлений. Обобщая результаты исследования, автор делает вывод о том, что философская концепция биополитики, реализуясь как универсальная практика управления населением, применяемая современными государствами, имеет важнейшее значение в уголовно-правовых исследованиях, поскольку позволяет объяснить мотивы государства, избирающего тот или иной путь регулирования уголовных правоотношений, и оценить обоснованность принятия соответствующих правовых норм сквозь призму баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: биополитика; биовласть; естественные права; ограничение права; философия уголовного права

© Заборский М. Я., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Concept of Biopolitics: History, Modernity, Significance for Criminal Law Research

M. Y. Zaborsky

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: zaborsky.mix@yandex.ru

Abstract: *the article is devoted to the legal aspects of the philosophical concept of biopolitics. The relevance of this topic is conditioned by the fact that states, trying to solve their tasks, using, among other things, legal means, regulate the most "personal" spheres of human life, limiting the rights and freedoms of man and citizen guaranteed by constitutions. This strategy, now called "biopolitics", can lead to a violation of the principles of reasonableness and proportionality when intervening in private affairs. The author seeks to form a scientific understanding of biopolitics, in particular, the history of the formation of this doctrine, its main provisions, as well as the possibilities of applying the biopolitical approach in analyzing criminal legal phenomena. Summarizing the results of the study, the author concludes that the philosophical concept of biopolitics, being a universal practice of population management applied by modern states, is of crucial importance in criminal legal research, as it allows to explain the motives of the state that chooses one or another way of regulating criminal legal relations and to assess the validity of the adoption of relevant legal norms in the prism of the balance of private and public interests.*

Keywords: *biopolitics; biopower; natural rights; limitation of law; philosophy of criminal law*

Одной из тенденций современных научных исследований является повышение интереса к феномену биополитики. «Новая технология власти» в последние десятилетия приобрела статус поистине универсального философского подхода, используемого учеными при изучении и прогнозировании политических, экономических и социальных явлений.

Предпосылки концепции были сформулированы еще древнегреческими философами. В первую очередь следует говорить об Аристотеле, который, по справедливому замечанию К. Маркса, являлся «Александром Македонским греческой философии»¹. Рассматривая учение Аристотеля о государстве и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 40 / ред. Л. Г. Чурбанов. М.: Политиздат, 1975. С. 156.

праве, С. Ф. Кечекьян отмечал: «Его “Политика”, поражающая богатством своего содержания и оказавшая огромное влияние на политические теории ряда последующих веков, дает самое полное и всестороннее рассмотрение греческого государства»². Представляется, что данный труд античного мыслителя следует рассматривать как трактат о биополитике по следующим основаниям.

Аристотель, определяя главной целью политики обеспечение всеобщего счастья жителей государства и обращая внимание на то, что «государство создается... преимущественно для того, чтобы жить счастливо»³, полагал, что достижение данной цели возможно путем регулирования численности населения. Финский исследователь М. Оякангас, отмечая особое внимание Аристотеля к проблемам рождаемости и смертности, указывал: «В аристотелевском государстве регулирование рождаемости является одной из важнейших задач магистратов, особенно потому, что нерегулируемая рождаемость ведет “к бедности среди граждан, а бедность порождает мятеж и преступления”»⁴. С позицией автора следует согласиться: указывая на необходимость регулирования рождаемости, Аристотель, в частности, предлагал предусмотреть максимальное количество детей в паре, обязывая родителей, превысивших данный предел, прибегать к искусственному прерыванию беременности, «прежде чем у зародыша появится чувствительность и жизнь»; определял оптимальный возраст вступления в брак для женщин и мужчин; рассуждал относительно того, какое телосложение является наилучшим для деторождения и как его достичь мужчинам и женщинам⁵.

Сходные философско-политические взгляды были сформулированы другим видным античным мыслителем – Платоном. В трактате «Республика» Платон, как и Аристотель, отмечал, что именно общее благо и всенародное счастье являются целью политики. Однако в отличие от своего ученика, основное внимание уделявшего контролю за количеством населения, Платон во главу угла ставил регулирование качества его жизни. Такое регулирование, по мнению мыслителя, являлось задачей лидеров государства: «...работа законодателя не выполнена, если “он просто устанавливает

² Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 3.

³ Аристотель. Политика / пер. с др.-греч. С. М. Роговина. М.: РИПОЛ классик, 2010. С. 193.

⁴ Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics: A Reinterpretation of the History of Biopower. London: Routledge, 2016. P. 36.

⁵ Аристотель. Указ. соч. С. 526, 527.

законы и выходит из дела”, поскольку он также должен контролировать его исполнение»⁶.

Описывая механизм взаимодействия лидеров государства и населения, Платон использовал известные метафоры пастуха и ткача. М. Оякангас по этому поводу обоснованно отмечал: «Правитель, следуя Платону, подобен пастуху, который заботится о благополучии своих овец. При этом пастух является и “пастырем” своего стада, и “пастухом-заводчиком”, который для блага стада очищает его, устраняя слабые и болезненные элементы»⁷. Платон утверждал, что, если лидер не проведет такой чистки, его труд как правителя будет бесполезен, поскольку «природная испорченность и скверное воспитание губят в его стаде... и ту породу, что обладает здоровым и чистым нравом»⁸. В этом смысле навык государственного управления приравнивался Платоном к навыкам ткача: правитель, отправляющий приказы и контролирующий своих подчиненных, подобен ткачу, надзирающему за подмастерьями. По сути, Платон сравнивал ткань, что является предметом деятельности ткача, с тканью социальной – материей для правителя.

Следует заключить: биополитические идеи Платона концентрировались вокруг обеспечения качества населения, его отбора, деления на «лучших» и «худших»: «...лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими, и... потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших – нет, раз наше стадо должно быть самым отборным»⁹.

Таким образом, еще в ранней античности биополитика активно применялась в качестве практики управления обществом. Как справедливо заметил М. Оякангас, в своих книгах по политике Платон и Аристотель не только рассматривают все центральные темы биополитики (половые отношения, брак, беременность, роды, уход за детьми, здравоохранение, образование, рождаемость, миграция, иммиграция, экономика и т.д.) с политической точки зрения, но для них эти темы являются краеугольным камнем политики и искусства управления¹⁰.

⁶ Цит. по: Белогорцев Д. А., Римский А. В. Практики биополитики: история и современность // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2020. Т. 45, № 4. С. 658.

⁷ Ojakangas M. Op. cit. P. 80.

⁸ Платон. Законы. Послезаконие. Письма. СПб.: Наука, 2014. С. 182.

⁹ Платон. Государство / пер. с др.-греч. А. Н. Егунова. М.: Академический проект, 2015. С. 181.

¹⁰ Ojakangas M. Op. cit. P. 6.

Приобретение биополитикой статуса самостоятельной научной концепции традиционно связывается с именем французского философа, теоретика культуры и истории Мишеля Фуко, научное наследие которого по праву определяется современными исследователями таким образом: «...одно из самых ярких имен среди современных французских мыслителей. Однако четко определить область его творчества нелегко...» Для Фуко характерны «скрещения дисциплин и подходов, причем это не привычная нам теперь невнятная междисциплинарность, а сочетание нескольких профессиональных компетенций»¹¹.

Анализируя генезис практик управления с развитием государственности, французский философ пришел к заключению, что на рубеже XVIII–XIX веков жизнь и здоровье людей стали неумолимо обретать все большее значение как предмет внимания суверенной власти. Философ пояснял: «В течение длительного времени одной из характерных привилегий суверенной власти было право на жизнь и на смерть»¹². Этот тезис проиллюстрирован М. Фуко на примере смертной казни, которую он называл мечом в руках суверена, желающего дать ответ «тому, кто бросает вызов его воле, его закону, его особе»¹³. Описывая подобную реализацию государством переданного ему права на жизнь и на смерть, М. Фуко характеризовал его как право «заставить умереть или *сохранить* жизнь»¹⁴. Между тем, как далее размышлял философ, «с тех пор, как власть взяла на себя функцию заведовать жизнью, применение смертной казни становилось все более и более затруднительным», и «не в связи с появлением гуманных чувств»¹⁵. Согласимся с А. Ю. Опариним, заключившим, что старое суверенное право власти, которое, по Фуко, «звучало как “позволить жить или заставить умереть”, модифицировалось (в представлении философа. – М. З.) в прямо противоположное – “заставить жить или позволить умереть”»¹⁶.

¹¹ Автономова Н. С. Мишель Фуко // Философы двадцатого века. Кн. 3. М.: «Искусство XXI век», 2009. С. 274.

¹² Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С. Табачниковой; общ. ред. А. Пузыря. М.: Касталь, 1996. С. 238.

¹³ Там же. С. 241.

¹⁴ Там же. С. 239.

¹⁵ Там же. С. 241–242.

¹⁶ Опарин А. Ю. Концепция биополитики Мишеля Фуко в контексте современного неолиберального социального порядка // Сахаровские чтения 2018 года: экологические проблемы XXI века: Материалы 18-й Междунар. науч. конф. (Минск, 17–18 мая 2018 г.): в 3 ч. Ч. 1. Минск: ИВЦ Минфина, 2018. С. 85.

Описывая причины таких изменений, М. Фуко пояснял, что с развитием и адаптацией христианских политических идей, основой которых является идея о государстве как всеобщем пастыре, утвердилось представление о том, что государь должен не только управлять населением, но и опекать его, заботиться о его благополучии. Следует согласиться с Е. В. Мищишиной и А. С. Костомаровым, отмечающими, что в этот период формируется новое понимание человека как «автономно функционирующего индивида с набором личных интересов, максимизирующего собственную полезность»¹⁷.

Таким образом, философ констатировал появление новой парадигмы публичной власти, характеризующейся замещением принципа «дисциплинарности» и подчинения во взаимоотношениях с личностью принципом власти над человеком как над живым существом. То есть, по верному замечанию О. В. Самовольной, имела место «этатизация биологического»¹⁸: человеческое тело стало центральным объектом власти, которая основывается не на его дисциплинировании, а на его регулировании. Данный концепт впервые был введен в оборот в цикле лекций «Нужно защищать общество», прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 годах, и поименован М. Фуко биополитикой¹⁹.

Исследователь не дал в своих трудах однозначного определения этому понятию. Принято говорить, что под биополитикой М. Фуко понимал совокупность технологий, механизмов и способов регулятивного воздействия на жизнь человеческих популяций²⁰. Основным принципом биополитики, пояснял мыслитель, является переход от насильственной власти суверена к буржуазным практикам «заботы о себе» путем игнорирования навязчивых и неприятных жизненных ситуаций, когда в центре этих практик оказывается автономный субъект, следующий той логике своего индивидуального поведения, какой требует общая безопасность²¹. При этом французский фило-

¹⁷ Мищишина Е. В., Костомаров А. С. Понятие биополитики в критической философии М. Фуко // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. 2020. № 2. С. 60.

¹⁸ Самовольнова О. В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4–2 (10). С. 262.

¹⁹ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб.: Наука, 2005. С. 256.

²⁰ См.: Барбарук Ю. В., Барбарук А. В. Биополитика как форма власти в современном обществе риска // Социология и право. 2018. № 3. С. 36; Нагиев Г. Г. Биополитика как система приложений наук о жизни // Философские проблемы биологии и медицины: Материалы XIV Всерос. науч. конф. (Воронеж, 2021). С. 93.

²¹ Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис) // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 4–22.

соф выделяет три направления, на движение по которым ориентирован биополитический тип власти: во-первых, проблемы воспроизводства населения и продолжительности жизни; во-вторых, случаи нейтрализации индивидов и прекращения их активной деятельности (несчастные случаи, получение травм и увечий и т.д.); в-третьих, воздействие окружающей среды на население²². В этой связи справедливо замечание И. И. Кобылина: биополитика фокусируется на массовых общественных явлениях, ее предназначение – «не изменение отдельных феноменов, а “оптимизация” жизни на глобальном уровне»²³.

Таким образом, именно благодаря М. Фуко произошла концептуализация биополитики как самостоятельной практики управления, инструментом которой служит максимальный контроль над населением как над живыми биополитическими организмами. Французский философ сформировал вполне универсальную концепцию власти, отвечающую главной цели на момент исследования – поиску способа рационального управления вне исторических и идеологических рамок.

В современный период развитие философской концепции биополитики связывается главным образом с именем итальянского исследователя Джорджо Агамбена, представителя западной критической философии. Теоретические положения, выработанные М. Фуко, стали основой трудов Дж. Агамбена. Однако концепции француза и итальянца имеют ряд существенных различий.

Во-первых, в отличие от М. Фуко, который определял момент формирования биополитики концом XVIII – началом XIX века, Дж. Агамбен связывает возникновение «власти над жизнью» с появлением суверенной власти. В работе *“Homo Sacer”* Дж. Агамбен характеризует феномен биополитики как «решающее событие современности», но в то же время мыслит диалектически, указывая на ее исторический исток²⁴. И. И. Кобылин по этому поводу отмечал: «...Фуко относит “захват” естественной жизни политикой только к эпохе модерна. Агамбен же (и в этом проявляется радикальное отличие его концепции от анализа Фуко) само античное исключение *зоэ* из области политического понимает как “включенное исключение”. Тем самым рождение биополитики

²² Фуко М. Нужно защищать общество. С. 257–258.

²³ Кобылин И. И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти // Философия и общество. 2011. № 3. С. 173.

²⁴ Агамбен Дж. *Номо Сакер*. Суверенная власть и голая жизнь / науч. ред. Д. Новиков; пер. с итал. М.: Европа, 2011. С. 11.

отодвигается к моменту появления политики как таковой»²⁵. Дж. Агамбен указывает, что «пока не будет преодолен разлом между *bios* и *zoe*... пока государство будет иметь дело с голой жизнью, чье существование признается только в момент ее исключения из политической жизни, любой режим будет принимать форму биополитики»²⁶. Во-вторых, поддерживая идею Фуко о необходимости анализа методов контроля власти за «телом» населения, исследования политических практик, которыми пользуется государство, Агамбен настаивает, тем не менее, на рассмотрении биовласти как «сплава» власти биополитической и власти юридически-институциональной, которые не могут анализироваться в отрыве друг от друга.

Дальнейшее отражение биополитическая теория Дж. Агамбена получила в труде «Куда мы пришли? Эпидемия как политика», в рамках которого итальянский исследователь подверг критическому анализу события пандемии COVID-19. Сквозной для данной работы стала проблема пределов разумности действий государства, пределов ограничения прав человека в рамках биополитики. Итальянскому философу оставалось лишь констатировать, что «власть ограничила не только конституционные права граждан на свободу передвижения и иные формы активности, но и права, которые не закреплены ни в одной конституции: право на истину, потребность в правдивом слове»²⁷.

Таким образом, центральная идея трудов Дж. Агамбена состоит в том, что все существующие на сегодняшний день политические режимы являются по сути биополитическими; основной субъект таких режимов – фигура *homo sacer*, тот, кого можно безнаказанно убить, введя режим чрезвычайного положения на локализованной территории. Главная проблема этого режима – злоупотребления со стороны государства.

Обозревая современные труды о биополитике, нельзя не упомянуть и другого итальянского философа и политического деятеля Антонио Негри. Основой его исследований, так же как и для Дж. Агамбена, стали теоретические положения, выработанные М. Фуко. Соглашаясь с французским мыслителем, А. Негри заключает, что биовласть не столько стремится позаботиться о жизни населения, сколько намеревается создать государство всеобщего благосостояния, для чего считает необходимым поддерживать жизнь индивидов. Вместе

²⁵ Кобылин И. И. Указ. соч. С. 176.

²⁶ Самовольнова О. В. Указ. соч. С. 266–267.

²⁷ Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика / пер. с итал. В. Данилова. М.: Ноократия, 2022. С. 67.

с тем автор рассматривает задачи биовласти в экономическом аспекте, отмечая, что основные действия этой практики управления населением нацелены в первую очередь на эффективное управление процессами общественного труда и, соответственно, на увеличение прибыли. Биополитические взгляды А. Негри связаны с утверждением, что биополитика есть современная форма экономического управления, представляющая собой процессы сопротивления населения государству и, как следствие, процессы субъективации, ведущие к увеличению прибыли.

Совместно с А. Негри представления о биополитике сформулировал и Майкл Хардт, американский политический философ и теоретик литературы. В труде «Империя» М. Хардт заявил о том, что биовласть в XX веке достигла планетарного масштаба, превратилась в планетарную империю: «Империя в конечном счете... является высшей формой биовласти в том смысле, что она представляет собой абсолютную противоположность силы жизни. <...> Биовласть – это другое имя реального подчинения общества капиталу, а также синоним глобализированного порядка производства»²⁸. Такой подход позволяет заключить, что биополитика, начало которой как явлению локальному было положено в Древней Греции, с течением времени приобрела глобальный, планетарный характер, стала всеобщей практикой управления населением. В связи с этим абсолютно точен Д. В. Попов: «Вопрос о рождении биополитики не совсем корректен; по-видимому, биополитика – вечная спутница человечества»²⁹.

Реализация биополитики, как и любой иной стратегии публичной власти, немыслима без правовых норм, значение которых, по словам М. Фуко, в связи с развитием биовласти, существенно возросло³⁰. Философ пояснял: «...власть, задачей которой является взять на себя бремя заботы о жизни, будет нуждаться в постоянных регулирующих и корректирующих механизмах. <...> Закон все в большей степени функционирует как норма и... институт суда все больше интегрируется в некоторый континуум аппаратов... функции которых по преимуществу регулятивные»³¹. Представляется, что взаимодействие права и биополитики обоюдно: поскольку право является важнейшим

²⁸ Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. С. 321, 339.

²⁹ Попов Д. В. К вопросу о рождении биополитики: загадка, которую не замечают // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28, № 1 (84). С. 92.

³⁰ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 249.

³¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 249.

средством осуществления биовласти, постольку и правовые феномены могут быть объяснены с позиций рассматриваемой концепции публичной власти.

Так, например, с позиций концепции биополитики польским философом Ф. Хайме были проанализированы действия правительства Дании в период пандемии, связанной с распространением COVID-19. Ученый отметил, что «если интерпретировать ограничительные меры как биополитическую заботу о жизни, то избыточная смертность представляет собой оскорбление государства», и пришел к выводу, что «правительства поддерживают жизнь своего населения... потому, что она необходима как условие существования государства»³². Итальянский философ Дж. Агамбен, наиболее активно развивающий идеи биополитики, подчеркивал, что принятые государствами юридические меры борьбы с заболеванием оказались более опасными, чем сама болезнь³³.

Подобные исследования были поддержаны и российскими учеными. Так, например, В. Денисенко и Е. Трикоз, проанализировав опыт биополитики в ситуации распространения COVID-19, пришли к важному выводу о том, что, руководствуясь именно принципами биополитики, государство может полностью регламентировать жизнь граждан через правовые процедуры, поскольку предмет правового регулирования постоянно расширяется и публичное право вторгается в самые удаленные уголки человеческого существования³⁴. Л. М. Волокитина отдельно обратила внимание на соотношение биополитики, проникающей во все сферы деятельности человека – и в публичную, и в частную, и пределов правового регулирования, заключив, что понятие последних «сильно размывается» (если не вовсе перестает существовать)³⁵. О пандемии как новом вызове для биополитики, проявившемся в противоречии между жесткими формами медицинского надзора за больными и демократическим требованием превращения людей из объектов управления в субъекты, рассуждал С. А. Кравченко³⁶.

³² Højme P. Biopolitics and the COVID-19 Pandemic: A Foucauldian Interpretation of the Danish Government's Response to the Pandemic // *Philosophies*. 2022. № 7 (2). P. 34.

³³ Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика. С. 76.

³⁴ Denisenko V., Trikoz E. Biopolitics and Legal Issues of Emergency Situations in the context of coronavirus pandemic // XIII International Scientific and Practical Conference "State and Prospects for the Development of Agribusiness – INTERAGROMASH 2020". URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2020/35/e3sconf_interagromash2020_14013/e3sconf_interagromash2020_14013.html

³⁵ Волокитина Л. М. Концепция «биополитики» Мишеля Фуко в контексте событий пандемии COVID-19: теоретико-правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2. С. 23.

³⁶ Кравченко С. А. Пандемия COVID-19: вызовы здоровью населения мира – возможна ли гуманистическая глоболокальная биополитика? // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 93.

Представляется, что основные положения концепции биополитики могут быть использованы и для анализа действий государства в рамках уголовно-правового регулирования.

Мы вправе утверждать, что биополитический окрас имеют подходы государства к установлению и (или) аннулированию отдельных уголовно-правовых запретов. Так, например, длительное время российское право признавало преступным самоубийство: соответствующие уголовно-правовые запреты содержались в Двинской уставной грамоте 1398 года (душегубство)³⁷, Артикуле Воинском 1715 года (статья 164 Артикула запрещала покушение на самоубийство под угрозой смертной казни)³⁸ и Своде законов Российской империи 1835 года. Лишь к концу XIX века посягательство на свою жизнь было декриминализовано: на смену мерам уголовной репрессии, как отмечается в литературе, пришла ответственность гражданско-правового и религиозного характера³⁹. Напомним один из важнейших тезисов М. Фуко о сущности биополитики: «...смерть... предстает теперь только изнанкой права, которым обладает социальное тело, – права обеспечивать свою жизнь, поддерживать и приумножать ее»⁴⁰. Данный тезис позволяет объяснить декриминализацию покушения на свою жизнь. Самоубийство ранее воспринималось государством как способ присвоить себе право на смерть, осуществлять которое, по М. Фуко, мог только суверен; теперь же суицид стал проявлением индивидуального и частного права на жизнь, правомочием которого является и право на смерть.

Необходимо отметить, что биополитическую природу имеет большинство норм такого института российского уголовного права, как наказание. «Следы» рассматриваемой концепции наиболее отчетливо видны при обращении к проблеме смертной казни – исключительной меры наказания, в отношении которой, как отметил Конституционный Суд РФ, в России

³⁷ Законодательство периода образования и Русского централизованного государства // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. А. Д. Горский. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. С. 187.

³⁸ Законодательство периода становления абсолютизма // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. А. Г. Маньков. Т. 4. М.: Юрид. лит. 1986. С. 358.

³⁹ См.: Айвазян А. Г. История развития отечественного уголовного законодательства о преступлениях против жизни, связанных с самоубийством потерпевшего // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 2. С. 125; Куликов А. В., Макаревская Д. С. Криминализация деяний суицидальной направленности в России: историко-правовое исследование // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 4. С. 19.

⁴⁰ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 240.

происходит необратимый процесс, направленный на ее отмену (согласно правовым позициям, изложенным в постановлении от 2 февраля 1999 г. № 3-П⁴¹, определении от 19 ноября 2009 г.⁴²). М. Фуко характеризовал смертную казнь как инструмент «старой» технологии власти, как меч в руках суверена, желающего дать ответ тому, кто бросает вызов его воле, закону, особе, как орудие реализации «заставить жить или отвергнуть в смерть»⁴³. Новая практика управления населением, нацеленная на заботу о жизни, исходит из недопустимости применения смертной казни в качестве уголовного наказания.

Думается, что с позиций биополитики могут быть объяснены отдельные действия государства и при регулировании института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Так, одной из наиболее дискуссионных проблем российского уголовного права и, в частности, теории обстоятельств, исключающих преступность деяния, является значение согласия лица на причинение ему вреда. Несмотря на имеющуюся потребность общественных отношений в соответствующем правовом регулировании, норма, определяющая правомерность причинения вреда с согласия лица, в российском уголовном законе отсутствует. Представляется, что подобный подход отечественного законодателя также имеет биополитическое обоснование: государство, не придавая согласию на причинение вреда какого-либо уголовно-правового значения, стремится решить социально важные проблемы: обеспечить воспроизводство населения, увеличить продолжительность жизни, не допуская увеличения смертности за счет случаев причинения смерти и вреда здоровью с согласия обладателя соответствующего права, в том числе при эвтаназии. В глазах государства отрицание уголовно-правового значения

⁴¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 2 февр. 1999 г. № 3-П.

⁴² О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 19 нояб. 2009 г. № 1344-О-Р.

⁴³ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 241–242.

согласия на причинение вреда есть не что иное, как биополитическая забота о жизни и здоровье населения.

Резюмируем изложенное: отрицая уголовно-правовое значение согласия на причинение вреда как обстоятельства, исключающего преступность деяния, государство, будучи социальным институтом, созданным для обеспечения общих блага и безопасности, руководствуется при этом биополитическими соображениями и реализует предоставленную ему, в силу общественного договора, возможность ограничивать осуществление гражданами принадлежащих им субъективных прав путем изъявления согласия на причинение этим правам существенного вреда.

Означает ли данный вывод о наличии у государства основания для непризнания согласия обстоятельством, исключающим преступность деяния, состоятельность соответствующего законодательного решения? Полагаем, что само по себе такое основание действий государства не оправдывает. Описывая процесс заключения общественного договора и появления государства, Т. Гоббс заключал, что таким путем рождается «тот великий Левиафан», который, благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, приобретает огромную силу и власть⁴⁴. К. Шмитт, объясняя использованную Т. Гоббсом метафору, отмечал: «Этим объясняется то, что в образе змея или дракона Левиафан становится символом некоей ужасной силы и, в конце концов, злокозненным врагом человека»⁴⁵. Философы, таким образом, обращались к проблеме соблюдения баланса интересов личности и государства при реализации последним своих полномочий и отмечали, что безосновательное использование сувереном своей «ужасной силы» способно причинить обществу еще больший вред, нежели тот, ради предотвращения которого государство было создано.

Вопрос о соотношении интересов личности и государства не чужд и для уголовного права. Данная проблема зачастую рассматривается исследователями сквозь призму сочетания императивного и диспозитивного методов уголовно-правового регулирования. При этом ряд исследователей приходят к тождественному мнению о том, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, являются средством реализации диспозитивного метода уголовно-

⁴⁴ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред А. Ческиса. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 123.

⁴⁵ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа / пер. с нем. Д. В. Кузницына; вступ. ст. А. Ф. Филиппова. СПб.: «Владимир Даль», 2006. С. 108–109.

правового регулирования⁴⁶. Как справедливо отмечает А. И. Рарог, нормы-дозволения, к которым относятся нормы главы 9 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴⁷, являются одним из средств учета интересов лица, совершившего преступление⁴⁸, и, соответственно, средством обеспечения баланса интересов личности и государства. Думается, что инструментом расширения возможностей лица по осуществлению субъективных прав, который может способствовать установлению указанного баланса, является согласие на причинение вреда.

Проблема согласия на причинение вреда как предполагаемого обстоятельства, исключающего преступность деяния, поистине одна из наиболее дискуссионных в теории российского уголовного права. Несмотря на сформировавшуюся потребность общественных отношений в признании вреда, причиненного с согласия лица, правомерным, законодатель по сей день не закрепил согласие в перечне обстоятельств, предусмотренных главой 9 УК РФ. Думается, что философским основанием признания согласия на причинение вреда обстоятельством, исключающим преступность деяния, является необходимость обеспечения баланса между охраняемыми уголовным законом интересами личности и интересами государства, которое, будучи социальным институтом, созданным для обеспечения общей безопасности, и руководствуясь при этом биополитическими соображениями, имеет возможность ограничивать реализацию личностью субъективных прав.

На основании изложенного в настоящей статье следует заключить, что биополитика, активно применявшаяся в качестве практики управления населением еще в ранней античности и сформировавшаяся, благодаря М. Фуко, в качестве самостоятельной философской концепции, на современном этапе наполняется качественно новыми подходами, приобретает поистине универсальный характер, дающий возможность использовать ее положения в том числе в уголовно-правовых исследованиях. Биополитические идеи позволяют объяснить мотивы государства, избравшего тот или иной путь правового регулирования, и оценить обоснованность принятия соответствующих правовых норм через призму баланса частных и публичных интересов.

⁴⁶ См.: Сидоренко Э. Л. Безопасность личности в уголовном праве: соотношение частных и публичных интересов // Общество и право. 2010. № 1 (28). С. 150; Сумачев А. В. Диспозитивность в уголовном праве: теоретико-прикладной анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 12 и др.

⁴⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (в ред. от 28.12.2024).

⁴⁸ Рарог А. И. Соотношение интересов личности и государства в уголовном праве Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 300.

Библиографический список

Автономова Н. С. Мишель Фуко // *Философы двадцатого века*. Кн. 3. М.: Искусство – XXI век, 2009. С. 274–294.

Агамбен Дж. Номо Сакер. Суверенная власть и голая жизнь / науч. ред. Д. Новиков; пер. с итал. М.: Европа, 2011.

Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика / пер. с итал. В. Данилова. М.: Ноократия, 2022.

Айвазян А. Г. История развития отечественного уголовного законодательства о преступлениях против жизни, связанных с самоубийством потерпевшего // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2023. Т. 10, № 2. С. 123–130. DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-2-17.

Аристотель. Политика / пер. с др.-греч. С. М. Роговина. М.: РИПОЛ классик, 2010.

Барбарук Ю. В., Барбарук А. В. Биополитика как форма власти в современном обществе риска // *Социология и право*. 2018. № 3 (41). С. 35–44.

Белогорцев Д. А., Римский А. В. Практики биополитики: история и современность // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2020. Т. 45, № 4. С. 655–666. DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-4-655-666.

Волокитина Л. М. Концепция «биополитики» Мишеля Фуко в контексте событий пандемии COVID-19: теоретико-правовой аспект // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2023. № 2 (98). С. 19–25. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-2-19-25.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческиса. М.: Соцэкгиз, 1936.

Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

Кобылин И. И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти // *Философия и общество*. 2011. № 3. С. 171–183.

Кравченко С. А. Пандемия COVID-19: вызовы здоровью населения мира – возможна ли гуманистическая глоболокальная биополитика? // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 6. С. 91–102. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.07.

Куликов А. В., Макаревская Д. С. Криминализация деяний суицидальной направленности в России: историко-правовое исследование // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2022. Вып. 4. С. 18–25.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / ред. Л. Г. Чурбанов. Т. 40. 2-е изд. М.: Политиздат, 1975.

Мицшишина Е. В., Костомаров А. С. Понятие биополитики в критической философии М. Фуко // *Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета*. 2020. № 2 (17). С. 59–67.

Нагиев Г. Г. Биополитика как система приложений наук о жизни // Философские проблемы биологии и медицины: материалы XIV Всерос. науч. конф. (Воронеж, 2021). С. 92–95.

Опарин А. Ю. Концепция биополитики Мишеля Фуко в контексте современного неолиберального социального порядка // Сахаровские чтения 2018 года: экологические проблемы XXI века: материалы 18-й Междунар. науч. конф. (Минск, 17–18 мая 2018 г.): в 3 ч. Ч. 1. Минск: ИВЦ Минфина, 2018. С. 84–86.

Платон. Государство / пер. с др.-греч. А. Н. Егунова; вступ. ст. Е. Н. Трубецкого; коммент. В. Ф. Асмуса; примеч. А. А. Тахо-Годи. М.: Академический проект, 2015.

Платон. Законы. Послезаконие. Письма / вступ. ст. А. Я. Слина. СПб.: Наука, 2014.

Попов Д. В. К вопросу о рождении биополитики: загадка, которую не замечают // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28, № 1. С. 82–93. DOI: 10.24412/1999-625X-2022-184-82-93.

Рарог А. И. Соотношение интересов личности и государства в уголовном праве Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 298–304. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).298-304.

Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984–1994.

Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. М.: Юрид. лит., 1985.

Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит. 1986.

Самовольнова О. В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4–2 (10). С. 261–271.

Сидоренко Э. Л. Безопасность личности в уголовном праве: соотношение частных и публичных интересов // Общество и право. 2010. № 1 (28). С. 146–151.

Сумачев А. В. Диспозитивность в уголовном праве: теоретико-прикладной анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С. Табачниковой; общ. ред. А. Пузырея. М.: Касталь, 1996.

Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб.: Наука, 2005.

Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис) // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 4–22.

Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004.

Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа / пер. с нем. Д. В. Кузницына; вступ. ст. А. Ф. Филиппова. СПб.: «Владимир Даль», 2006.

Denisenko V., Trikoz E. Biopolitics and Legal Issues of Emergency Situations in the Context of Coronavirus Pandemic // XIII International Scientific and Practical Conference "State and Prospects for the Development of Agribusiness – INTERAGROMASH 2020". DOI: 10.1051/e3sconf/202017514013. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2020/35/e3sconf_interagromash2020_14013/e3sconf_interagromash2020_14013.html.

Højme P. Biopolitics and the COVID-19 Pandemic: A Foucauldian Interpretation of the Danish Government's Response to the Pandemic // *Philosophies*. 2022. № 7 (2). Pp. 1–11. DOI: 10.3390/philosophies7020034.

Ojakangas M. On the Greek Origins of Biopolitics: A Reinterpretation of the History of Bio-power. London: Routledge, 2016. DOI: 10.4324/9781315620237.

Информация для цитирования

Ex jure

Заборский М. Я. Концепция биополитики: история, современность, значение для уголовно-правовых исследований // *Ex jure*. 2025. № 2. С. 54–80. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-2-54-80

Zaborsky M. Y. The Concept of Biopolitics: History, Modernity, Significance for Criminal Law Research. *Ex jure*. 2025. № 2. Pp. 54–80. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-2-54-80
